

заклучение с ними союзных договоров. Первым случаем подобных отношений является договор Рима с Габиями, который греческий историк Дионисий Галикарнасский (IV. 58) назвал исполнитией. Можно предположить, что уже в это время закладывались основы латинского права. *Ius conubii* и *Ius commercii*, которые регулировали родственные отношения Рима и латинских поселений, создавали единое экономическое пространство в границах Лация. Картина дополняется наличием таких прав, как *Ius migrations* и *Ius exilii*, которые давали возможность жителям латинских общин свободно менять места проживания, не теряя гражданских прав в родной общине и не становясь метеками в другой.

К наблюдениям К. Смита можно добавить, что особенно отчетливо ощущается открытость латинского общества в VII – начале V в. до н.э. в сравнении с ситуацией, возникшей уже во второй половине V в. до н.э. Так, изгнанный из Рима М. Фурий Камилл обосновался у ардеатов и считал их своими новыми согражданами (Liv. V. 44.1). Но, чтобы вернуться в Рим, ему потребовалось получить официальное постановление народа, которое признавало его снова римским гражданином (Liv. V. 46.10).

С аристократической природой латинского общества автор связывает существование религиозных лиг, которые символизировали общинное единство на стадии дополисной организации. Но оформление гражданского самосознания неизбежно должно было привести к конфликтам как внутри лиг, так и между ними.

В рассмотренной монографии К. Смита можно отметить следующие положительные моменты: он критически подходит к оценке микенского влияния на Лаций; по-иному оценивает социально-экономическую ситуацию в Риме в период изгнания этрусской династии, соотносит социальное и политическое развитие Лация с аналогичными для архаической Греции процессами, подчеркивая в то же время своеобразие латинского общества. Правда, остается не ясной позиция автора в таких дискуссионных вопросах раннеримской истории, как *gens* и *curia*. Тем не менее, комплексное использование археологических свидетельств и литературной традиции для воссоздания истории архаического Лация оказалось весьма плодотворным. Лаций предстает перед нами как однородный в социальном, политическом и культурном отношениях регион, который не остался в стороне от радикальных преобразований, проходивших в Средиземноморье в конце бронзового и в начале железного веков.

Монография снабжена обширным библиографическим списком и двумя приложениями. Первое включает в себя публикацию более тридцати эпиграфических памятников конца VII – начала V в. из Рима и Лация с переводом и комментариями. Большая часть этих надписей сохранилась на керамических изделиях или их фрагментах и содержит имена владельцев или посвящения богам. Несколько надписей сделаны на металлических предметах (на бронзовой вазе из Пренесте, на спине железного льва из С. Омобони, на бронзовой таблице из Лавиния с посвящением Диоскурам) или вырезаны на камне (надпись на стеле римского Форума, известная в науке как *Lapis Niger*, надпись из храма Матер Матуты в Сатрике и на пьедестале неизвестного предмета из Тиволи). Во втором приложении собраны археологические и письменные источники об основных поселениях Лация, которые упоминаются в тексте монографии.

О.В. Сидорович

© 1999 г.

Einleitung in die griechische Philologie / Hrsg. von Heinz-Günther Nesselrath¹. B.G. Teubner. Stuttgart – Leipzig. 1997. XVI. 773 S.

Изданный осенью 1997 г. рецензируемый том вместе с вышедшим за полгода до того сходным по плану «Введением в латинскую филологию»² составляет, по замыслу издателей, две части «Введения в науку о древности» – «Einleitung in die Altertumswissenschaft» (как оно обозначено на контртителе), призванные заменить известный под тем же названием сводный труд под редакцией А. Герке и Эд. Нордена (первое издание вышло в 1910 г., последующие перепечатки отдельных разделов предпринимались в 20–30-х годах). Необходимость в такой замене очевидна: за истекшее с тех пор почти полное столетие накопилось огромное количество нового материала, которое если и не изменило полностью образ

¹ Имена издателя на титульном листе предшествуют фамилии 25 авторов отдельных разделов, которые будут указаны ниже, при обзоре содержания тома.

² Einleitung in die lateinische Philologie / Hrsg. von F. Graf. 1997. X. 726 S.

греко-римской античности, то во всяком случае значительно его обогатило. Расшифровка линейного письма Б, породившая микенологию как самостоятельную отрасль науки о языке; новая стратификация археологических пластов в Трое, произведенная Блегеном и до сих пор уточняемая, раскопки в Лефканди и на афинской агоре; тысячи документов по истории общественных и хозяйственных отношений в эллинизированном Египте; новые тексты Архилоха, Стесихора, Менандра, Каллимаха и новые подходы к вечному гомеровскому вопросу, не говоря уже о сотнях новых томов археологических и эпиграфических отчетов, папирусных находок и каталогов вазовой живописи, – всего этого, чтобы ограничиться только древнегреческим ареалом, более чем достаточно для существенного уточнения взглядов, сложившихся во всех ветвях науки о древности к началу нашего века.

Рецензируемый том строится по следующему плану.

I. История текстов (с. 3–89). 1. Способы их сохранения и передачи в античности; книжное дело (Т. Доранди). 2. Рукописная традиция в средние века и в новое время, палеография (Г. Хунгер). 3. Критика текста (К. Довер). 4. Папирология (Д. Хагедорн). 5. Эпиграфика (Г. Петиль).

II. История греческой филологии (с. 87–132): 1–2. В древности и в Византии (Н. Уилсон). 3. В новое время (Э. Фогт).

III. История греческого языка (с. 135–168). 1. От микенского до классического греческого (К. Штрук). 2. От койне до начала современного греческого (Р. Браунинг).

IV. История греческой литературы (с. 171–362). 1. Греческая литература до 300 до н.э. (Э. Дегани). 2. Эллинизм (Р. Хантер). 3. Время Империи (Х.-Г. Нессельрат). 4. Поздняя античность (Ю. Хаммершtedт). 5. Очерк византийской литературы (А. Камбилис). 6. Греческая метрика (Р. Каннихт).

V. История греческого мира (с. 365–454). 1–2. Время архаики и классики, эллинизм (Г.А. Леман). 3. Время Империи (В. Амелинг). 4. Поздняя античность (Э. Пак).

VI. Греческая религия (с. 457–504) – раздел целиком написан Ф. Графом.

VII. Греческая философия и науки (с. 507–582). 1. Философия (Ф. Риккен). 2. Науки (А. Штюкельбергер).

VIII. Греческое искусство (с. 585–707). 1. Архаика (В. Мартини). 2. Классика (А.Г. Борбейн). 3. Эллинизм (Р. Фляйшер). 4–5. Время Империи, поздняя античность (Д. Виллерс). 6. Нумизматика (Г.А. Кан)³.

К этому надо добавить, что почти каждая глава имеет еще множество подразделов, одно перечисление которых заняло бы значительное место⁴. Ясно, что оценка подобного труда во всех деталях потребовала бы участия специалистов по истории древнего мира и античной философии, лингвистов и искусствоведов, не говоря уже о том, что по объему такая рецензия вышла бы далеко за допустимые пределы. Свою задачу я представляю себе немногим скромнее: выяснить некоторые вопросы методологического и методического порядка, неизбежно возникающие при ознакомлении с подобного рода трудом.

Прежде всего, даже из приведенного выше, по необходимости очень краткого обзора читатель уже заметил, что книга, в сущности, распадается по содержанию на две части: первые четыре раздела несомненно могут быть объединены понятием филологии, к следующим четырем оно применимо только при условии, что ему придается тот смысл, который оно имело в лучшем случае до конца XIX в. Конечно, и сегодня история, философия, искусство древнего мира являются для филолога-эллиниста предметами, в которых он обязан ориентироваться, особенно при комментировании античных авторов. Да и для специалистов в области древней истории, философии и религии сохранившиеся тексты

³ Чтобы не возвращаться к структуре тома, отметим завершающий его обширный именной и предметный указатель (с. 709–773) и два приложения – географические карты и составленную Х. Люкеном синхронную таблицу (*Synopse der griechischen Literatur*), в которой около 200 имен и названий произведений из области литературы, эстетики, философии, истории и т.д. очень наглядно соотносятся во времени с событиями исторической и культурной жизни древнего мира. Последнюю сторону сопоставления можно было бы, впрочем, и усилить за счет имен и памятников из области изобразительного искусства, добавив в качестве нижней полосы таблицы даты жизни Мирона, Фидия, Праксителя, возведения Олимпийских фронтонов, Парфенона и Пергамского алтаря, мозаики Александра и т.д.

⁴ Во всех разделах имеется библиография, причем единой системы в ее расположении нет: она может быть помещена и в начале целого раздела, и в его конце, и при каждой главе или параграфе, и даже посередине его.

служат первостепенным источником⁵. Вместе с тем, те же историки, искусствоведы или филологи едва ли согласятся с тем, что их предметы составляют всего лишь введение в нумизматику. Считали ли себя филологами, скажем, Дж. Грот, создавая в середине прошлого века «Историю Греции», или Гизела Рихтер, работая сто с лишним лет спустя над своими «Портретами греков»?

Указанное противоречие между изначальным замыслом издателей (заменить руководство под редакцией Герке–Нордена) и его воплощением (два тома введения в греческую или латинскую филологию) не сводится, конечно, к противоречию между титулом и контр-титулом. Речь идет о том, что сам термин «филология» давно потерял ту однозначность, которая когда-то позволяла включать в это понятие все знания, которыми теперь пользуются различные, часто между собой соприкасающиеся, но отнюдь не совпадающие друг с другом науки.

Ситуация эта характерна не только для классической, но и для всякой иной филологии, о чем более полувека тому назад говорил в своем неопубликованном курсе «Введение в изучение филологических наук» Г.О. Винокур: «Внутренняя связь между отдельными науками, относимыми к числу филологических, как это очевидно для всякого, с течением времени становится все более слабой... С каждым новым поколением все меньше становится лиц, которые одновременно занимались бы вопросами языка и литературы, все меньшее число лингвистов обнаруживает живой интерес к проблемам литературоведения, все большее число литературоведов утрачивает вкус к фактам языка и умение обращаться с ними»⁶. Если вспомнить, что сам автор этих слов был и замечательным лингвистом, во многом опередившим свое время, и блестящим литературоведом, и превосходным текстологом, и если добавить к его имени несколько имен из числа его сверстников (В.М. Жирмунский, И.М. Тронский) и ныне здравствующих отечественных исследователей, то можно утверждать, что и в наше время еще существуют филологи, но давно распалась на отдельные науки филология.

Участники рецензируемого тома не могут не осознавать давно возникшего противоречия между антиковедением как комплексом дисциплин и филологией как его частью. Об этом говорит во вступлении Х.-Г. Нессельрат (с. V), и Э. Фогт справедливо указывает на то, что применение к греческой филологии современных исследовательских методов, которые ассоциируются с именами М.М. Бахтина, Р. Барта и Ж. Деррида, еще больше ослабит жизненно важные для нее связи с соседними антиковедческими дисциплинами, удерживать которые и без того становится все труднее (с. 132). Однако для решения столь сложного вопроса, как взаимоотношение классической филологии («науки о слове») с древней историей, искусствоведением и другими смежными отраслями науки в древности, явно недостаточно нескольких фраз, хотя бы и сказанных очень к месту. Проблема заслуживала более обстоятельного обсуждения, которое должно было составить содержание специальной вводной главы методологического характера.

В этой же главе следовало бы ответить и на вопрос о тех хронологических рамках, в которых авторы представляют себе настоящее «Введение».

Концом древнегреческой цивилизации надо, во всем признакам, считать VI в. н.э., поскольку крушение Западной Римской империи в 476 г. не имело столь же разрушительных последствий на Востоке. В эллинизированном Египте в VI–VII вв., как это видно из папирусных находок, еще читали Гомера, Еврипида и Менандра. К VI в. относится деятельность последнего неоплатоника Иоанна Филопона и творчество Павла Силентиария, явно завершающее почти полуторатысячелетнюю историю греческой эпиграммы. Если византилисты и называют век Юстиниана уже «ранневизантийским» (каковым он, вероятно, и являлся), то и эллинистам нельзя отказать в праве считать это столетие заключительным для древнегреческой культуры⁷.

Между тем, составители рецензируемого труда поступают не вполне логично: в то время как изложение истории философии доводится до названного выше Иоанна Филопона

⁵ Я не говорю уже о том, что историкам древнего мира полезно знать состояние затрагиваемых ими попутно вопросов из других областей науки. Тогда бы на страницах того же ВДИ нам не предлагали «вспомнить хотя бы знаменитые “три единства”, предписанные Аристотелем театральному представлению» (1998. № 1. С. 133), так как давно доказано, что требование трех единств было выдвинуто эстетикой классицизма и к Аристотелю прямого отношения не имеет.

⁶ Цит. по кн.: *Цейтлин Р.М.* Григорий Осипович Винокур. Изд. МГУ, 1965. С. 76.

⁷ Впрочем, на с. 323 началом «ранневизантийского времени» обозначаются даже 324/330 г., что представляется мне слишком смелым шагом, как и отнесение конца античности к 641 г. (см. с. 104).

(с. 559), о Павле Силентиарии речь заходит только в «Очерке византийской литературы» (с. 325), с чем связана новая проблема.

Мне представляется, что для включения указанного «Очерка» во «Введение» едва ли есть достаточные основания. Само собой разумеется, при изложении истории классической филологии и вопросов рукописной традиции обращение к византийским филологам (см. с. 109–119) является совершенно необходимым. Но имеют ли прямое отношение к введению в античность история самой греческой литературы во время Византийской империи или развитие греческого языка на подступах к новогреческому? Судьба отдельных жанров греческой литературы в византийское время (например, диалога, романа, пародийного эпоса и даже трагедии, как это видно на примере «Христа-Страстотерпца», слепленного из «Прометей» и «Вакханок») не безразлична для специалиста, исследующего влияние античных памятников на культуру последующего времени, но то же самое можно сказать о месте античных мотивов в средневековой и ренессансной литературе, – не посвящать же этой теме целую главу во введении в *Altertumswissenschaft*!

Если включение в настоящий том главы о византийской литературе не нанесло ему существенного вреда (не считая занятого ею места, которое можно было бы употребить на предлагаемое нами вступление), то более серьезные сомнения возникают при определении в нем нижней хронологической границы античности.

Рассуждая здраво, началом всякой ранней цивилизации надо считать время, когда на данной территории появились носители определенного языка, который будет ее обслуживать. При таком подходе исходным пунктом для отсчета древнегреческой цивилизации вполне естественно взять переселение на юг Балканского полуострова говоривших по-гречески ахейцев, т.е. рубеж III и II тысячелетий. Так, собственно, и ставится вопрос в начале раздела V, где упоминается «микено-раннегреческая культурная ступень» (с. 365), но самой микенской эпохе уделяется каких-нибудь полторы страницы; перечисляются единым духом ее главнейшие центры (Микены, Пилос, Афины и т.д.), сообщается о ее падении под натиском «народов моря» (что отнюдь не является единственным признанным объяснением), и тем дело кончается. Ни о том, как была открыта эта самая «культурная ступень», ни об оценке периода, наступившего после гибели микенских дворцов (Dark Age или известная преемственность?)⁸ нет ни слова. Оценить эту сверхлапидарность в состоянии только человек, и без того имеющий свое представление о восьми столетиях греческой истории от вторжения ахейцев до конца микенской эпохи, между тем как «Введение» явно рассчитано на менее осведомленного читателя.

Примерно такая же картина возникает в разделах, посвященных религии и искусству. В первом из них по крайней мере признается образование греческого пантеона в микенское время и содержатся сведения, которые имеют на этот счет в табличках с линейным письмом B (с. 496, 498). С другой стороны, в главе о мифе (с. 477–483), речь идет преимущественно о теоретических вопросах: определением мифа, его функции в обществе, взаимоотношение с религией. Само по себе это очень полезно, однако, отнюдь, не помешали бы несколько абзацев о формировании в микенское время циклов героических мифов, об их прикреплённости к историческим центрам микенского времени, о хронологической соотношенности друг с другом. Троянская война упоминается как бесспорный факт, хотя именно на этом примере можно было показать законы оформления мифа и принципы его циклизации, не говоря уже о том, что без достаточно квалифицированного подхода к мифологическому материалу для античника остается недоступным смысл девяти десятых греческой литературы.

Еще более странным представляется почти полное умолчание о памятниках искусства микенского периода в разделе VIII (одна фраза на с. 587 о преемственности, существующей между субмикенской и раннегеометрической керамикой, и даже илл. 1 общей картины не мнят). За пределами книги по необъяснимой причине остается все изобразительное искусство XVI–XII веков: кносские и тирийские фрески, кубки и ювелирные изделия, словом – огромный пласт художественной культуры, открытие которого в свое время перевернуло все прежние представления о греческой цивилизации.

Вероятно, отказ от сколько-нибудь систематического освещения микенской эпохи возник как раз из-за неопределенности методологической установки, которой руководствовались составители рецензируемого издания. Введение в науку о древности невозможно без специальной главы о Микенах – недаром такая глава присутствует во всех

⁸ Впервые об этом – только в нескольких фразах на с. 587, в разделе VIII.

«Греческих историях», опубликованных в Германии, начиная со 2-го издания одноименной книги Г. Бузольта (1893) и кончая трудом Г. Бенгтсона (3-е изд., 1965), вышедшим в известной серии «Handbuch der Altertumswissenschaft». Что касается «Введения» в греческую филологию в узком смысле слова, то участники рецензируемого издания, по-видимому, сочли, что для него достаточно тех сведений о микенском периоде, которые там содержатся. Такую предпосылку нельзя считать верной, поскольку именно выходы из разрушенных греческих центров эпохи поздней бронзы принесли с собой в Ионию предания о златообильных Микенах и семивратных Фивах, о походах ахейских вождей на Трою и ее окрестности, о конфликтах в домах ахейских царей, — словом, весь тот комплекс многочисленных сказаний, без учета которых немыслимо понимание не только архаического эпоса, хоровой лирики и трагедии V в., несомненно входящих в понятие филологии, но и всей греческой культуры. Отрезав от ее изложения огромный пласт микенской предыстории⁹, составители тома сильно ограничили научный горизонт тех читателей, которым он адресован. И уж во всяком случае надо было достаточно доказательно (если это возможно) обосновать такой отказ в специальном вступлении методологического характера.

Если теперь оставить в стороне сожаления о том, чего нет в рецензируемой книге, и обратиться к тому, что в ней есть, то следует начать с той цели, которую поставили перед собой ее составители: дать изучающим греческую филологию в комплексе со смежными дисциплинами учебное и справочное издание «надежного руководителя и советника в их странствиях по запутанным тропинкам» различных областей науки о древности. Как видно из обзора содержания, задачу эту можно считать выполненной, и при том, на вполне современном научном уровне, поскольку в качестве авторов разделов были привлечены авторитетные специалисты во всех областях знания, использовавшие не только новейшую литературу каждого вопроса¹⁰, но часто и свой собственный опыт практической работы над источниками (см. главы 2–5 в разделе I). Поэтому у читателя, как правило, нет основания сомневаться в достоверности сообщаемых конкретных данных¹¹ (например, таких, как датировка III в.н.э. Трифиодора и Квинта Смирнского). Другое дело, что к этим данным можно было бы кое-что прибавить.

Так, в последнее время неоднократно ставился вопрос о формировании уже в микенское время поэтического наддиалекта, который послужил впоследствии базой как для эпоса, так и для лирики. В разделе III об этом ничего нет, и общность между языком Гомера и других поэтических жанров по-прежнему объясняется влиянием на них эпического образца (с. 148, 151), хотя и следовало упомянуть о новом взгляде на эту проблему, даже если автор раздела с ним не согласен.

В книге неоднократно говорится об использовании мифа различными поэтами¹² и об оценке его философами, но в уже упоминавшейся специальной главе «Миф» полезно было бы дать более обстоятельную характеристику взаимоотношений литературы с мифом и ее памятников как источника наших знаний о нем, а заодно сообщить о его рационалистически-аллегорическом толковании, которое не исчерпывается деятельностью Геродора из Гераклеи (с. 213) и «Гомеровскими аллегориями» (с. 95)¹³, и о систематизации мифов во времена Империи. Сейчас из «Введения» можно узнать о не утратившем своего значения издании псевдо-аполлодоровой «Библиотеки», выполненном в 1782 г. Хр. Г. Хайне (с. 124), но нет ничего ни о самом Аполлодоре, ни о мифографах вообще, к которым достаточно часто приходится обращаться в качестве источника.

⁹ Исключение составляет, естественно, раздел III, с. 136–143, так как история греческого языка без привлечения микенского материала в наше время просто невозможна.

¹⁰ С удовлетворением отметим здесь обращение к работам наших соотечественников, в том числе отсылку к капитальному демокритовскому корпусу С.Я. Лурье и к вышедшей в 1984 г. в немецком переводе книги И.Д. Рожанского «Античная наука» (оригинал – 1980), причем автор соответствующего раздела «Введения» начинает его с определения античной науки, данного русским исследователем.

¹¹ Не слишком ли рано появление письма датируется концом IX в. и постулируется его быстрое распространение (с. 367), и каким образом примирить оценку оборонительного вооружения как «в высшей степени дорогостоящего», которое могли приобрести только «самые зажиточные голплиты» (с. 369), с мнением, высказанным недавно на страницах ВДИ. «Удешевление оружия привело к тому, что каждый общинник среднего достатка мог теперь иметь полное вооружение» (1998. № 1. С. 24)?

¹² Правда, о влиянии на Гесиода тетро-хурритской теогонии можно прочитать только там, где этого меньше всего приходится ожидать, — в параграфе о колонизации (с. 373), а вовсе не в главе о мифе, а об отношении Эсхила к мифу, к сожалению, вообще ничего нет.

¹³ См. ВДИ. 1988. № 3. С. 219–222.

В разделе VII диалектика понимается главным образом как развитое Зеноном, Геракли- том и Платоном (с. 515, 521, 529 сл.) искусство выявления противоречий в суждении и в восприятии действительности, и ничего не говорится о диалектически противоречивом содержании самой действительности, впервые раскрытом в философии Гераклита. Любопытно, что о диалектике в развитии общества в V–IV вв., о взаимопроникновении традиций и новаторства в философии, истории, трагедии и комедии классического периода говорится только в главе VIII в связи с развитием в это время изобразительного искусства.

Как несомненную заслугу авторов следует отметить, что в большинстве случаев им удалось преодолеть те трудности, которые возникают при необходимости уложиться в неизбежно ограниченный объем. (Насколько я могу судить по изложению в наиболее близкой мне области греческой литературы периода классики и эллинизма, в нем не оставлены без внимания ни один факт и ни одно имя, заслуживающие упоминания.) Особенно удачными в этом отношении в первой половине «Введения» представляются мне следующие главы и параграфы: критика текста (I. 3), греческая филология в новое время (II.3); Гомер (IV.1.2.2, где на трех страницах дается характеристика и самих гомеровских поэм, и их исторического фона, и гомеровского вопроса с его предысторией и современным состоянием); Менандр (IV.2.2.3); греческая метрика (IV.6 – с очень наглядными схемами, особенно на с. 355, где показано в сравнении употребление анапестов в речитативе и в лирических строфах). Специалисты в других областях наверняка найдут такие примеры исчерпывающей краткости и в разделах V–VIII.

Не меньшую трудность, чем краткость изложения, представляло собой согласование отдельных разделов. Например, о Солоне и Демосфене пришлось писать в разделах IV и V, о Гесиоде – в IV и VI, о Платоне и Аристотеле – в IV и VII и т.д. Чаще всего авторы соответствующих разделов прибегают в этих случаях к системе перекрестных отсылок, которая позволяет им достигнуть необходимой в такого рода коллективных трудах взаимосвязи. Иногда, впрочем, распределение материала между разделами кажется мне не совсем убедительным. Так, рассмотрение эстетических взглядов Платона и Аристотеля (с. 539 сл.) было бы, на мой взгляд, уместнее в разделе IV, чем в VII, а сведения о сократических школах, имевших в общем отдаленное отношение к литературе, как и сам Сократ, – в разделе VII, нежели в IV.

Непосредственное отношение к структуре книги имеет и принятый в разделе IV принцип изложения истории литературы по жанрам, не всегда себя оправдывающий. Если о творчестве Каллимаха в главе «Эллинизм» говорится в четырех параграфах¹⁴ (2.3: ямбы; 2.4.2: «Гексала»; 2.5.2: «Причины»; 2.6: гимны), при том что вне поля зрения так и остаются его эпиграммы, то для читателя становится достаточно затруднительной задачей составить себе сколько-нибудь цельное представление о художественном облике этого автора, который заслуживал отдельного параграфа не меньше, чем Ликофрон с его загадочной «Александрой»¹⁵.

Поскольку составители рассматривают «Введение» как справочное издание, нет необходимости объяснять, насколько важно было соблюсти в нем единство во всех деталях. В этом отношении, к сожалению, к нему может быть предъявлен целый ряд претензий. Вот некоторые из них.

Как правило, имя каждого впервые вводимого исторического персонажа или ученого нового времени сопровождается датами его жизни. Это распространяется и на наших современников (см. с. 132), но напрасно искать даты жизни Перикла. Примерные даты Каллимаха, Феокрита, Аполлония Родосского читатель найдет если и не в тексте, то хотя бы в синхронной таблице, что же касается Гермесианакта, то так и остается неизвестным, когда он жил, был ли старше Каллимаха или моложе.

О трагедии «Прикованный Прометей» речь идет, естественно, в параграфе, посвященном Эсхилу, причем затрагивается и снова активно обсуждаемый в последнее время вопрос о ее подлинности. Как бы его не решать, ясно, что не знающий об этой полемике читатель будет искать в указателе отсылку к «Прометею» при имени Эсхила – и совершенно напрасно, так как там он не упомянут, а дан отдельно под названием трагедии. Странно выглядит в том же указателе вынесение имени ученого перед его фамилией (например, Roland Barthes после Varrabas-brief). Конечно, пробегаая глазами букву F, читатель найдет отсылку к обоим Френкелям, но при взгляде на August Meineke и Philipp Melancthon, помещенными между Meidias-Maler и Melannipides, читателя, привыкшего к современной лексикографии, невольно

¹⁴ И при этом в библиографии четырежды дается ссылка на одну и ту же книгу Камерона!

¹⁵ Также оказался «расщепленным» на три параграфа Плутарх (IV.3.4.2 и 3.5, а затем VII.1.4.5).

берет оторопь. Добавим, что при отсылке к Иосифу Флавию принята другая система, и он выглядит как *Flavius Josephus*, помещенный между другим *Josephus* и *Jota adscriptum*.

В списке сокращений читатель не найдет расшифровки аббревиатур QUCC и PLLS (см. с. 187, 249).

Оставляет желать лучшего также обращение во «Введении» с именами собственными. Перефразируя Льва Толстого, в области транслитерации каждая страна несчастна по-своему. Правда, немецкий язык не испытывает знакомых нам затруднений с передачей греческой *тэты* и глухого интервокального *s* (*Theseus*), дифтонгов *ei* и *eu*, но уже с дифтонгом *ai* возникают неувязки (ср. *Aischylos*, *Aigina*, но *Ägypten*, *äolisch*), равно как и с передачей конечного *os* (*Archilochos*, но *Plutarch*). Преодолеть эти восходящие к длительной традиции несогласованности не может, конечно, никакое «Введение», но от него по крайней мере можно было бы ожидать, что количество их не будет увеличиваться. Между тем мы находим здесь такие пары, как *Athenaios* (в указателе) и *Athenaeus* (в тексте, с. 192, 255, 278), *Basilius* (указатель и почти повсюду в тексте) и *Basileios* (с. 30), *Menander* и *Epikur* (в тексте) наряду с *Menandros* и *Epikuros* (в синхронной таблице), *Iambus*, *iambisch* (почти везде), но *Jamben* (с. 355) и *jambisch* (с. 299). Особенно не повезло в этом смысле Дионисию Галикарнасскому, имя которого упоминается то как *Dionysios* (с. 219, 279), то как *Dionys* (с. 162, 222, 288)¹⁶ и в довершение всего встречается в обеих формах на одной и той же с. 269! Если составители не могли договориться между собой по этому трудному вопросу, то что делать в таком случае студенту-первокурснику?

В заключение скажем, что рецензируемое «Введение», конечно, принесет немалую пользу и студентам, и преподавателям высшей школы, так как оно отражает современное состояние наук о древности, предлагает достаточно продуманный отбор в библиографии и побуждает тех, кто захочет им воспользоваться, к дальнейшей работе. Но оно могло бы быть значительно лучше, если бы его составители и руководитель авторского коллектива более четко определили методологические критерии, которым они следовали, и были более требовательны к оформлению материала.

В.Н. Ярхо

¹⁶ Такая же горестная участь постигла христианского автора Дионисия из Александрии (ср. с. 292 и 301); написание остальных восьми Дионисиев осталось при своей греческой форме на -ios.